

После сытного обеда Ся Чэнь блаженно погладил округлившийся живот и удовлетворенно вздохнул:

— Вот бы каждый день так наедаться.

— А в чём сложность? — тут же отозвался Вэнь Шу. — Сейчас же прикажу, чтобы на ужин приготовили то же самое.

Впрочем, рассуждать о пользе здорового питания и о том, стоит ли на ночь глядя набивать желудок жирным мясом да рыбой, с тем, кто много лет пробыл зомби, было делом бессмысленным. Вэнь Шу рассуждал просто: раз уж Юаньбао нравится, пусть повара стряпают эти разносолы до тех пор, пока они ему не примелькаются.

Ся Чэнь так и прыснул, поспешно хватая друга за рукав:

— Погоди-погоди! Меня ведь вечером здесь не будет. К чему такой пир горой? Разве ты один всё это осилишь? Только продукты зря переводить.

Вэнь Шу растерянно замер:

— Как это «не будет»? Куда ты собрался?

Он ведь уже и комнату для своего ненаглядного обманщика обустроить успел: пуховые одеяла, тончайшие простыни — всё новенькое, служанки вычистили каждый уголок до блеска, заходи и живи. Да и если бы комната Ся Чэню не приглянулась, Вэнь Шу с радостью разделил бы с ним собственную постель.

— Спущусь с горы да вернусь на постоянный двор, — как нечто само собой разумеющееся пояснил Ся Чэнь. — Меня там племянник ждёт.

Вэнь Шу мгновенно посмурнел:

— Но мы же собирались просидеть при свечах всю ночь. Разве мы не договаривались?

Ся Чэнь неловко кашлянул. Ну да, было дело: заболтался, разомлел от сытости и радушия да и сболтнул лишнего, не подумав.

Утром Нань-гээр рвался пойти следом, еле отговорил. Ся Чэнь тогда твёрдо пообещал вернуться дотемна. И если он пропадёт, малец ведь с перепугу побежит искать его напрямую в Генеральское поместье, а поднимать такой переполох совсем ни к чему. Не дай он племяннику этого слова, с радостью остался бы у Цзыцзяня хоть на пару дней, но нарушать обещание и заставлять ребёнка изводиться от страха не хотелось.

— Да мы ведь можем через цветы переговариваться, как раньше! — заметив, как увяла улыбка на лице друга, Ся Чэнь поспешил его утешить.

Вэнь Шу лишь опустил ресницы, промолчав в ответ. Ну как он мог объяснить Юаньбао, что это совсем не то же самое? Пока они не встретились, он и представить не мог, насколько его маленький обманщик яркий, живой и настоящий. Как залиvisto он смеётся, забавно щуря глаза, как забавно морщит нос, когда сболтнёт глупость, и как уморительно округляет глаза от возмущения. Разве бездушный цветок передаст хоть каплю этого тепла?

— Ну не дуйся, — Ся Чэнь подошёл поближе. — Я ведь правда пообещал Нань-гээру воротиться засветло. Если не приду, он с ума сойдёт от тревоги. Давай я сегодня вернусь, всё ему растолкую, а завтра снова приду к тебе, ладно?

Ся Чэнь опустил перед ним на корточки и легонько потеревил его за руку, заглядывая снизу вверх:

— Ну улыбнись же! Тебе так идёт улыбка, Цзыцзянь.

В прежних письмах Цзыцзянь казался рассудительным и не по годам серьёзным юношей. Теперь же, узнав его поближе и воочию столкнувшись с его капризами, Ся Чэнь находил эту переменчивость очаровательной. Надувшийся, сердитый Вэнь Шу выглядел настолько трогательно, что Ся Чэню хотелось нянчиться с ним, точно с малым дитятей.

Вэнь Шу посмотрел на него сверху вниз. Взгляд Ся Чэня, устремлённый на него, сиял мягким, ласковым теплом. В его светлых, медовых глазах не было ни капли фальши — лишь искреннее дружелюбие.

Ледяной панцирь на сердце Вэнь Шу растаял без следа, а угрюмая мина сменилась задумчивостью. Нахмурившись, он взвесил всё и отрывисто произнёс:

— Я спущусь с тобой.

Раз уж Юаньбао не желает оставаться в усадьбе, то почему бы не пойти вместе с ним? В этом пустом, холодном доме его всё равно ничего не держало.

— Ого! Прямо так, со мной? — Ся Чэнь от удивления даже рот приоткрыл, но быстро сообразил, что к чему: — Что ж, ладно. А тебе есть где остановиться? Мой постоянный двор забит под завязку, свободных комнат нет. Разве что ты не побрезгуешь со мной потесниться? Или я могу перебраться к Нань-гээру, а тебе уступить свою постель.

Чжэлю, как раз вносивший в комнату блюдо со свежими сладостями из кухни, едва расслышал эти слова, мигом сообразил, к какому безумству склоняется его господин. Лицо слуги перекошило от испуга. Поспешно приблизившись к Вэнь Шу, он упавшим голосом зашептал ему

на ухо:

— Молодой господин, из поместья Динго-гуна вас до сих пор ищут.

Лицо Вэнь Шу в один миг сделалось темнее тучи. На сей раз он действительно не поскупился на жестокость — искалечил Вэнь Бо так, что тот лишился ноги без малейшей надежды на исцеление. Да ещё и учинил прилюдный скандал на глазах у благородных гостей, сокрушив остатки приличий и окончательно восстав против родни.

Наследство ублюдков из рода Вэнь его не прельщало, а до их мести ему и дела не было. По закону он оставался старшим законным сыном, так что открыто посягнуть на его жизнь они бы не посмели. Что же до тайных каверз и подосланных убийц — пусть только сунутся, он с лёгкостью перережет горло каждому.

Когда наступит день восстания мертвецов и Поднебесная погрузится в первозданный хаос, это напыщенное змеиное гнездо и вовсе перестанет существовать. Тогда он вволю потешится над их жалкими жизнями.

Но сейчас время ещё не пришло. Стоит ищейкам поместья прознать о его связи с Ся Чэнем, и они мгновенно переведут удар на беззащитного юношу. Самого Вэнь Шу им не достать, но они с радостью отыграются на том, кто стал ему дорог.

Доселе у него не было уязвимостей, но теперь у него появилось сокровище, которое следовало оберегать. Пока мир окончательно не рухнул, он не мог попросту вырезать всё семейство Динго-гуна до единого человека.

При одной только мысли, что эти твари могут применить против его Юаньбао те же подлые, гнусные уловки, какими когда-то травили его самого, во взгляде Вэнь Шу вспыхнула дикая, первобытная ярость. Воздух в комнате будто заledenел от его безмолвного гнева.

Ся Чэнь, не расслышав шепотка слуги, лишь недоумённо захлопал ресницами:

— Что стряслось? — Он заметил, как помрачнел его друг. — О чём это он?

Вэнь Шу стиснул его пальцы так крепко, что Ся Чэнь едва не поморщился, и после тяжёлого молчания выдохнул:

— Я остаюсь на горе.

Ся Чэнь не был глупцом и сразу догадался, что дело опять в семейных дразгах друга. Он поднялся на ноги, дружески похлопав Вэнь Шу по плечу и тепло улыбнулся:

— Ничего страшного. Как выкрою свободную минуту, сам к тебе поднимусь. Да, кстати, а можно мне с собой племянника прихватить? Боязно оставлять этого оболтуса одного в столице — ещё заблудится где-нибудь, ищи его потом.

— Конечно. Тебе, Юаньбао, можно всё. Чего бы ты ни пожелал — только скажи, я исполню, — отозвался Вэнь Шу. Тень ярости ещё блуждала в его глазах, но голос звучал на удивление мягко и бережно.

— Да ну тебя, не бросайся такими словами, — шутливо отмахнулся Ся Чэнь и прикрыл ладонью его глаза.

«Ишь какой искуситель выискался, — пронеслось у него в голове. — Хорошо, что я кремень и по девочкам, а ну как на моём месте оказался бы кто послабее духом? Ведь враз бы голову потерял от таких речей!»

Но даже несмотря на всю свою непоколебимую гетеросексуальность, Ся Чэнь почувствовал, как предательски зачастил пульс под пристальным, обжигающим взглядом друга. Сердце заколотилось в груди глухо и гулко.

Время неумолимо близилось к вечеру, медлить дольше было нельзя — не ровён час, ворота столицы закроют перед самым носом. Быстро растолковав Цзыцзяню, как правильно пользоваться «волшебной связью», Ся Чэнь поднялся из-за стола и засобирался в путь.

Вэнь Шу шёл следом мрачной, безмолвной тенью. Лицо его точно из белого нефрита вытесали — ни единой эмоции, лишь в глубине зрачков полыхал недобрый огонь. В мыслях он уже не раз спустился в столицу и вырезал под корень всю паршивую родню из поместья Динго-гуна, чтобы эти твари не смели вставать между ним и его Юаньбао.

Чжэлю тем временем успел бережно уложить пирожные в нарядную лаковую шкатулку для еды и с поклоном протянул её хозяину. Вэнь Шу перехватил коробку и вложил её в руки Ся Чэня:

— Возьми. Перекусишь по дороге.

Он ведь приметил, как за обедом Ся Чэнь нахваливал арахисовое печенье. Раз уж в гостях вдоволь полакомиться не удалось из-за сытного обеда, то пусть заберёт всё с собой.

Ся Чэнь растерянно улыбнулся. Тащить такую тяжеленную махину с горы, а потом через полгорода на весу? У него ведь и без того за плечами висел дорожный короб с книгами.

Объяснив это другу, Ся Чэнь попросил Чжэлю отыскать кусок чистой промасленной бумаги, отобрал несколько лакомств, которые пришлось бы по вкусу ему самому и Нань-гээру, завернул их поплотнее и аккуратно пристроил на дно своего короба.

— Ну, я пошёл! — Ся Чэнь дошёл до ворот усадьбы, преграждая путь Вэнь Шу ладонью, чтобы тот не вздумал провожать его дальше в холод, и приветливо помахал на прощание.

Отойдя на пару шагов, он обернулся. Вэнь Шу так и замер у ворот. Его неподвижный, до предела сосредоточенный взгляд провожал каждый шаг Ся Чэня. На фоне этого серого, блёклого дня его алое одеяние полыхало ярким пламенем, но сам юноша казался невыразимо, щемяще одиноким.

У Ся Чэня тоскливо сжалось сердце. Не удержавшись, он сорвался с места, подбежал обратно и крепко, порывисто обнял Вэнь Шу за плечи. Заглянув в его бледное лицо, он весело подмигнул:

— Вот сдам все экзамены, и ты поедешь со мной домой, ладно?

Ему просто физически не хотелось оставлять Цзыцзяня наедине с этой давящей тоской.

От этого внезапного объятия Вэнь Шу оцепенел. Тепло чужого тела, хрупкого, но такого родного, окутало его, принося неожиданный покой и странное, почти позабытое чувство безопасности.

Видя, что тот безмолвствует, Ся Чэнь лукаво прищурился и протянул певучим голосом, словно капризный ребёнок:

— Ну соглашайся же, братец Цзыцзянь!

Давным-давно, когда Цзыцзянь только раскусил его хитрости, он в шутку заставил Ся Чэня назвать себя старшим братом. С тех пор Ся Чэнь быстро смекнул: стоит шепнуть заветное «братец», как холодный лёд в сердце друга таял, и тот соглашался на любые уступки. Правда, повзрослев, Ся Чэнь начал стесняться этой детской уловки, и как Вэнь Шу ни выпытывал из него это слово, упрямо молчал.

«Интересно, — подумал Ся Чэнь, — я ведь уже вырос, бывшего детского очарования поубавилось. Сработает ли старое средство?»

Сработало без сучка и задоринки. Вся напускная суровость Вэнь Шу испарилась, уступив место мягкой, искренней улыбке, коснувшейся самых глаз:

— Хорошо. Куда ты, Юаньбао, туда и я.

Довольный своей маленькой победой, Ся Чэнь просиял:

— Вот и славно! Ну всё, теперь точно бегу. Ступай в тепло, на улице зябко.

Вэнь Шу, однако, не выпустил его ладонь, притянул ближе и тихо попросил:

— Скажи ещё раз.

— А? — Ся Чэнь растерялся, чувствуя, как мочки ушей заливают жаркая краска. Впрочем, раз уж один раз сорвалось с губ, глупо теперь кривляться и строить из себя недотрогу. Если это поднимет Цзыцзянь настроение, то почему бы и нет? Он весело крикнул через плечо: — Братец Цзыцзянь, я ушёл! До скорого!

Ся Чэнь шёл, то и дело оглядываясь назад и махая рукой. Вэнь Шу так и стоял на пронизывающем ветру, пренебрегая советом уйти в тепло. Лишь когда хрупкая фигура юноши окончательно растворилась в дорожной дымке, он развернулся и медленно вошёл в ворота.

Едва оказавшись на безлюдном участке тропы, Ся Чэнь жалобно заскулил:

— Ай-ай, как лицо-то горит...

Он поспешно выудил из дорожной сумы баночку, подцепил пальцем изрядную порцию густого белого крема и щедро размазал его по щекам. Кожа на скулах, где недавно пролились слёзы, безжалостно обветрилась на холоде и теперь саднила.

[Почему нельзя было намазаться раньше?] — неожиданно подал голос Тунбань, чьё присутствие во время отладки системы всегда было непредсказуемым.

— Много ты понимаешь! Мужчине не пристало прилюдно баночками мазаться, это же курам на смех. Если бы Цзыцзянь увидел, как я тут над кожей трясусь, я бы со стыда сгорел! — с чисто мужским упрямством отрезал Ся Чэнь.

Система выдала сухой электронный смешок:

[А ластиться к нему и звать «братцем» — это, по-твоему, верх мужественности?]

Ся Чэнь поперхнулся воздухом:

—...

— Да что за глупые намёки! — вскипел он. — Это крепкая мужская дружба, ясно тебе? Мы с ним без пяти минут названные братья! Подумаешь, назвал его старшим, что в этом такого?

[Разве «старший брат» и томное «братец» звучат одинаково?] — не унимался Тунбань.

— Разумеется, одинаково! — отрезал Ся Чэнь тоном, не терпящим возражений. — Наш язык глубок и богат, у нас куча синонимов для выражения родственных чувств. Тебе, бездушной заморской железке, величие нашей словесности всё равно не постичь!

Не давая вредной системе вставить и слово, Ся Чэнь поспешно перевёл тему, начав расспрашивать о ходе обновления и расширения базы данных.

В народе не зря говорят: в гору подниматься легко, а спускаться — мука. Но Ся Чэню «повезло» ещё больше. Он не успел пройти и половины пути до подножия, как с сурового, серого неба повалил густой снег.

Сперва это была мелкая, колючая крупа. Опасаясь, что тропу завалит бураном, Ся Чэнь прибавил шагу, едва ли не переходя на бег.

Но метель лишь набирала силу. Хлопья летели в лицо, слепя глаза, а внизу, у подножия, нанять повозку в такую непогоду было делом безнадёжным. Хвала небу, Тунбань исправно указывал дорогу через встроенный навигатор — без его подсказок в нарастающих сумерках и белой круговерти Ся Чэнь наверняка сбился бы с пути.

К исходу часа Обезьяны вокруг воцарилась непроглядная тьма. Ся Чэнь, прищурившись, попытался сообразить, сколько ему ещё топать. Из-за скользкой дороги и метели продвигался он медленно. До городских ворот оставалось не меньше двух часов ходу, а ведь стража затворяет их ровно в час Петуха. Выходило, что в столицу он сегодня попросту не успевает.

«Эх, глупец, нужно было соглашаться на ночлег у Цзыцзяня!» — с досадой подумал он. Теперь приходилось выбирать: либо переждать бурю в укрытии системного пространства, либо искать приюта в ближайшем селении.

К счастью, вскоре у дороги показались очертания деревеньки. В окрестностях столицы таких поселений было великое множество — тамошние жители кормились тем, что возили свежие овощи и зелень на столичные рынки.

Сквозь пелену снегопада Ся Чэнь разглядел неясный силуэт. Какая-то хрупкая фигура, тяжело покачиваясь под весом непосильной ноши, брела по заснеженной тропе. Рядом, цепляясь за полы её одежды, семенил маленький ребёнок.

Не успел Ся Чэнь окликнуть их, как путник споткнулся и плашмя рухнул в сугроб. Сразу после этого над дорогой разнёсся тонкий, жалобный детский плач.

Ся Чэнь со всех ног бросился на помощь. На земле ничком лежала истощённая, бледнолицая женщина. Рядом валялось опрокинутое деревянное ведро, из которого вылились остатки воды. Мокрый снег вперемешку с ледяной жижей мгновенно пропитал её и без того жалкое, изношенное платье.

<http://bllate.org/book/18260/1762682>